

— Не знала, что моя дочь обладает такими способностями.

Слегка прищуриив глаза, императрица У улыбнулась, но ее взгляд вызывал тревогу:

— Что еще ты предсказала?

Ли Линьюэ восхищалась властностью своей матери, но сохраняла спокойствие, лишь слегка дрогнув пальцами. Она улыбнулась:

— Мама, небесные тайны нельзя раскрывать.

— Даже матери нельзя?

Хотя выражение лица императрицы оставалось серьезным, ее голос смягчился. Она заметила дрожь в пальцах дочери и поняла, что та все еще боится ее, что немного успокоило ее.

Ли Линьюэ смотрела на императрицу с мольбой, держась за ее рукав:

— Бессмертный сказал, что раскрытие небесных тайн может стоить жизни. Мама, я обещаю, что это не принесет вам вреда. Если я узнаю что-то, что может вам навредить, я даже ценой своей жизни сообщу вам об этом.

Императрица У внимательно смотрела на лицо дочери, видя ее робость, и решила не настаивать. Помолчав, она внезапно сменила тему:

— Аюэ, ты, кажется, очень привязана к Ваньэр?

Ли Линьюэ с удивлением посмотрела на императрицу.

— Во дворце много женщин, но ты, кажется, предпочитаешь общаться только с ней.

Ли Линьюэ подумала: «Похоже, мама что-то заподозрила. Наверное, тогда Ваньэр не пришла по ее приказу». Она улыбнулась и ответила:

— Потому что я, как и вы, люблю талантливых женщин, которые не уступают мужчинам.

Она сказала это не задумываясь, но эти слова затронули сердце императрицы, вспомнившей ту мягкую женщину, которая любила поэзию. Императрица опустила глаза. Она молчала, и Ли Линьюэ тоже не стала говорить, лишь молча наблюдала за матерью, внутренне удивляясь: «Неужели мама тоже...»

Ли Линьюэ не могла поверить. Она смотрела на мать, когда та вдруг открыла глаза и многозначительно посмотрела на нее. Это смутило ее:

— Мама?

Императрица У махнула рукой:

— Уже почти полдень, прикажи слугам приготовить обед.

— Хорошо.

Ли Линьюэ поняла, что мать хочет побыть одна, поклонилась и вышла.

*

Во время обеда императрица У уже вернула себе обычное величественное выражение. Ли Линьюэ не стала спрашивать о предыдущем разговоре, тихо сидела и время от времени подкладывала блюда матери и Ваньэр. После обеда императрица решила отдохнуть, и Ли Линьюэ тоже удалилась.

Вернувшись в Павильон Фэнмин, Ли Линьюэ все еще была в недоумении: она уже обладала некоторыми способностями и не могла ошибиться в том, что увидела. Императрица, услышав ее рассказ о гадании, вероятно, решила, что она что-то предсказала, и поэтому выглядела так.

«Неужели у мамы тоже было такое прошлое?» — Ли Линьюэ слегка вздохнула. Она все еще не могла понять: если мама тоже любила женщину, почему она так относится к ней и Ваньэр? Может быть, мама была ранена в прошлом и теперь ненавидит такие отношения?

Ли Линьюэ испугалась своих мыслей и с горькой улыбкой покачала головой. Она действительно слишком много думает. Даже если мама не разрешит им любить друг друга, разве это ее остановит? Ведь она, Ли Линьюэ, никогда не отступала перед тем, что хотела. Раньше так было, и сейчас будет так же.

*

Вечером, как и ожидала Ли Линьюэ, Су Мучжэнь пришла с сестрой и спросила:

— Принцесса, моя сестра хотела бы задать несколько вопросов учительнице. Могу ли я отвести ее к ней?

Ли Линьюэ как раз ждала этого и с радостью согласилась:

— Нинур так стремится учиться, как я могу ей мешать? Я сама провожу вас.

Су Мучжэнь поклонилась:

— Благодарю вас, принцесса.

Ли Линьюэ ехала впереди на лошади, а Су Мучжэнь и Су Муин следовали за ней. Из-за юного возраста Су Муин не ехала одна, а сидела в седле с сестрой. Каждый раз, когда Ли Линьюэ оборачивалась, она видела, как Су Мучжэнь заботливо обнимала сестру, держа поводья.

«Мучжэнь действительно любит свою сестру» — подумала Ли Линьюэ, и на ее лице появилась легкая улыбка.

Когда они добрались до жилища Шангуань Ваньэр, Ли Линьюэ сначала отвела Су Муин на урок, а затем, когда вопросы были решены, оставила Су Мучжэнь с сестрой, чтобы та занималась каллиграфией. Сама же она под предлогом обсуждения важных дел увела Ваньэр во внутренние покои.

— Принцесса, что случилось?

Не в главном зале обсуждать дела, а бежать во внутренние покои... Шангуань Ваньэр спросила, смутившись, но внутри ее сердце забилось чаще.

Ли Линьюэ, видя ее смущение, не стала напрямую разоблачать, только улыбнулась:

— Ничего особенного, просто хотела поговорить с тобой о девчачьих секретах.

С этими словами она снова увлекла Ваньэр к тахте:

— Давай посидим и поговорим. Я выгнала всех служанок, так что у тебя больше нет причин не называть меня Аюэ.

— Принцесса...

Шангуань Ваньэр хотела что-то сказать, но остановилась. Хотя она еще не была знакома с тонкостями любви, она не была глупа. Она понимала намеки императрицы У. Она знала, что та не одобряет ее сближение с дочерью. Императрица была ее спасительницей, но также могла легко вернуть ее и мать в ад, из которого они выбрались. Она не могла и не смела перечить императрице, но в то же время мечтала быть ближе к Ли Линьюэ. Разрываясь между этими чувствами, она едва не готова была разорваться на части.

— Ваньэр.

Ли Линьюэ взяла ее за руку, ее глаза полны решимости и нежности:

— Мне нравится, когда ты называешь меня Аюэ.

Эти простые слова тронули сердце Шангуань Ваньэр. Она замерла, и чаша весов в ее сердце склонилась вправо. Она не смогла сдержаться и ответила:

— Хорошо, Аюэ.

С того дня Ли Линьюэ, казалось, что-то поняла. Помимо утренних уроков, которые Шангуань Ваньэр проводила для нее, и вечерних визитов с Су Мунин для разъяснений, она больше не искала встреч наедине. Иногда, когда Ли Линьюэ приходила к императрице, они лишь обменивались приветствиями. Со стороны их отношения казались обычными дружескими, даже не слишком близкими, скорее, как отношения между благородными людьми.

Но даже это не развеяло подозрений императрицы. Она расставила шпионов вокруг обеих, зная, что они видятся каждый день. Хотя утром они лишь занимались уроками, вечером Ли Линьюэ отпускала служанок и оставалась наедине с Шангуань Ваньэр в покоях. Это беспокоило императрицу, но, согласно отчетам служанок, за дверью не было ничего подозрительного, только время от времени слышался смех. Она не стала прямо запрещать, лишь иногда напоминала им о приличиях, и на этом все заканчивалось.

Время текло в этой кажущейся тишине, и незаметно наступил канун Нового года.

Хотя для простых людей это был день отдыха и праздника, для чиновников он был полон забот. Те, кто пользовался доверием императора, должны были присутствовать на придворном собрании, и дворец снова готовился к празднику. Эти приготовления не касались Ли Линьюэ, но для Шангуань Ваньэр, находившейся рядом с императрицей, это было обязанностью. Она должна была проверить украшения, такие как персиковые таблички и церемонии изгнания злых духов, и весь день была занята. Только к началу пира она смогла отдохнуть.

Поскольку император должен был устроить пир с министрами в Чертоге Цзычэнь, куда не допускались наложницы, императрица устроила семейный пир в своих покоях, пригласив наложниц, дочерей и невесток. Ли Линьюэ и Шангуань Ваньэр также присутствовали на этом пиру.

Семейный пир не был таким пышным, как придворный, но для гостей он был не менее напряженным. Каждый боялся, что неосторожное слово может разгневть Совершенномудрою и навлечь беду на свою семью. Поэтому перед тем как говорить, все тщательно обдумывали, а невестки внимательно следили за своими детьми, чтобы те не сказали чего-то неподобающего. Тем не менее, оба пира снаружи выглядели веселыми и праздничными, что было удивительно.

<http://bllate.org/book/17694/1651770>